

**Хроники Эшвуда. Часть 2:
Танец с судьбой**

Владимир Горожанкин

Владимир Горожанкин
Хроники Эшвуда. Часть
2: Танец с судьбой
Серия «Хроники Эшвуда», книга 1

*<https://litres.ru/74045741>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В мире, где древние тайны переплетаются с современной реальностью, молодой наследник древнего рода Себастьян Лоу оказывается втянут в смертельную игру. Столкнувшись с могущественным культом и его харизматичным лидером, он должен не только противостоять надвигающейся угрозе, но и разобраться в собственных чувствах.

В сердце повествования — любовный треугольник между Себастьяном, юной Хранительницей Оливией и её матерью Маргарет. Их судьбы переплетаются в опасную паутину интриг, где каждый выбор может стать роковым. Пока Себастьян пытается разгадать планы зловещего философа Элдриджа, он сам оказывается втянут в водоворот страстей, где долг и любовь идут рука об руку с предательством.

В этом мире, где вампиры и древние тайны скрываются за фасадом обыденности, каждый выбор имеет цену, а каждое решение может изменить судьбу целого мира.

Содержание

Глава 1: О чем говорят вампиры.	4
Глава 2: Бостонское гостеприимство	28
Глава 3: Судьба	42
Глава 4: Безмятежность.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Горожанкин

Хроники Эшвуда. Часть 2: Танец с судьбой

Глава 1: О чем говорят вампиры.

Декабрьский холод гнал мой Aston Martin по трассе в сторону Бостона. Пейзаж за окном представлял собой унылую палитру из серых деревьев и пожухлой травы, но я его почти не замечал. Вся моя поездка была пропитана абсурдом: я, Себастьян Лоу, еду слушать лекцию по философии, которую читает наш главный враг, маньяк-культист Элдридж, чтобы «лучше понять его мотивацию». Звучит как завязка для очень плохого фильма.

Последний месяц пролетел в тумане. Ночи стали длиннее, а мои телефонные разговоры с Маргарет — чаще. Мы обсуждали книги, политику, вспоминали глупые истории из юности. Каждая наша переписка была как игра в шахматы, где мы оба знали правила и оба делали вид, что играем в шашки. Ее остроумие и мудрость были тем маяком, на свет которого я летел, рискуя разбиться о скалы.

Скалы, к слову, имели имя — Оливия. Наши отношения

превратились в странный танец, где она ждала от меня рыцарских поступков, а я тщательно избегал любых движений, которые можно было бы истолковать как приглашение. Я не давал поводов, но она находила их сама в моем джентльменстве, которое было не более чем привычкой. И как я мог объяснить ей, что мое сердце украла ее мать? Это было бы жестоко и разрушительно для всех.

Команда тоже претерпела изменения. Наш с Мией «секс для здоровья», как мы его в шутку называли, закончился. Я закончил его. Разговор был коротким и неприятным. Она была зла, но Мия слишком прагматична, чтобы долго обижаться на то, что не имеет под собой эмоциональной основы. Она быстро поняла, что я был лишь удобной временной мерой, в то время как Маркус, ведомый моими блестящими советами, предлагал ей нечто настоящее. Теперь они были парой — странной, но на удивление гармоничной. Невозмутимая скала и ехидный ураган нашли друг в друге равновесие.

Я съехал с шоссе у городка Провиденс, решив сделать остановку. Отель «The Biltmore» выглядел достаточно респектабельно. Американские отели всегда забавляли меня своей показушной роскошью, кричащей о статусе. Все слишком большое, слишком блестящее. В Англии настоящий шик — в сдержанности и незаметности. Но жаловаться было грех.

Я заказал люкс, проигнорировав удивленный взгляд портье, и поднялся в номер. Налив себе щедрую порцию виски

из мини-бара, я вышел на балкон. Холодный воздух приятно бодрил. Город внизу сверкал тысячами огней. Я достал телефон.

На экране была она. Маргарет. Я раздобыл эту фотографию с закрытой страницы Оливии в социальной сети — кадр с какого-то официального мероприятия Хранителей. Она не позирует, смотрит куда-то в сторону, чуть опустив голову. Каштановые волосы с золотистыми прядями мягко обрамляют лицо, а на губах играет едва заметная, смущенная улыбка, словно она услышала что-то забавное и пытается сдержаться. Она слегка прикусила нижнюю губу, и в этом жесте было столько нежности и настоящей, неприкрытой жизни, что у меня каждый раз перехватывало дыхание. На ней был темно-лиловый плащ поверх темной рубашки. Это был не парадный портрет, а пойманный момент, и оттого он был еще дороже.

Я сделал глоток виски. Вся моя проницательность, вся моя способность просчитывать ходы наперед разбивались вдребезги об эту ситуацию. Я запутался. Впервые в жизни я не видел правильного хода, не видел решения, которое не привело бы к катастрофе.

Мне нужен был совет. Совет от человека, который понимает, что такое долг, честь и сложные семейные хитросплетения. От человека, который знает меня лучше, чем кто-либо.

Я отставил стакан, разблокировал телефон и пролистал

контакты до имени, которым не пользовался месяцами. Пальцы замерли над экраном, а затем решительно нажали на вызов.

Аберфорд Лоу. Мой отец.

Гудки на том конце провода были короткими. Я и не ожидал другого.

– Себастьян, – его спокойный баритон прозвучал в трубке, и я невольно выпрямился в кресле. Это был голос, привыкший управлять советами директоров и успокаивать паникующих министров. Голос моего отца.

– Отец. Надеюсь, не отвлек от захвата очередной страны третьего мира?

– Только от покупки небольшой железнодорожной ветки в Аргентине, – в его голосе прозвучала улыбка. – Мелочи. Как учеба? Истребил уже достаточно нечисти, чтобы оправдать вложенные в твою альма-матер средства?

Мы обменялись парой дежурных фраз о последних сделках и моих успехах в изучении мертвых языков. Но он всегда чувствовал, когда дело было не в этом.

– Себастьян, я слышу это в твоем голосе. Что-то случилось.

Я вздохнул, глядя на огни ночного города.

– Мне нужен совет, отец. У меня... ситуация.

И я рассказал ему все. Без утайки и сарказма, просто излагая факты, как на докладе. О том, как ты, восемнадцатилетний студент, наследник Лоу, был отправлен в Эшвуд. Об

Оливии, нашей ровеснице, такой же Хранительнице. О нашем свидании и поцелуе, о ее внезапном «тормозе» и последующей ревности, когда я не стал сидеть и ждать у моря погоды. А затем — о появлении Маргарет, ее матери, которой сорок шесть. О том, как я влюбился. Безнадёжно и окончательно. В женщину, которая годится мне в матери. В мать девушки, которая, возможно, все еще ждет от меня каких-то шагов.

Он молчал. Долго. Не перебивал, давая мне выговориться. Когда я закончил, в трубке на несколько секунд повисла тишина, наполненная не осуждением, а глубоким размышлением.

– Понятно, – сказал он наконец. – Что ж, это действительно... сложная конфигурация. Давай разберем переменные. Оливия. Она молода, решительна, как ты говоришь, «бойбаба». Ее чувства могут быть искренними, но в ее возрасте они часто смешаны с желанием обладать, с духом соперничества. Ты был недоступен, и это сделало тебя более желанным. Классический сценарий. Отношения с ней — это путь более понятный, социально приемлемый, но, судя по твоему тону, для тебя он будет компромиссом.

Он снова сделал паузу.

– Теперь Маргарет. Она твоего возраста, – я фыркнул, но он проигнорировал. – Твоего ментального возраста, Себастьян. Она прошла через то, что Оливии только предстоит. Она знает цену потерям и понимает сложность мира. Связь

с ней — это союз равных, встреча двух зрелых душ. Но цена этого союза может быть непомерно высокой. Главным образом для нее и для ее отношений с дочерью.

— Так что мне делать? — вырвалось у меня.

— То, что ты делаешь сейчас, — худший из вариантов, — ответил он спокойно, но твердо. — Твое бездействие и попытка угодить всем ранят обеих. Ты должен внести ясность, в первую очередь для себя, а затем и для них. И начинать нужно с Оливии. Ты должен поговорить с ней. Честно. Не обязательно вываливать всю правду о ее матери, боже упаси. Но ты должен дать ей понять, что видишь в ней друга, соратника, но не будущую возлюбленную. Закрой эту дверь. Мягко, уважительно, но окончательно. Ты не можешь двигаться дальше, пока эта двусмысленность висит в воздухе. Это первый и самый необходимый шаг. А что делать дальше, ты решишь, когда поле будет расчищено от этой неопределенности. Нельзя вести войну на два фронта, сынок. Особенно, если один из них — в твоей собственной голове.

Он выдержал паузу, давая мне обдумать сказанное.

— Но что бы ты ни решил, Себастьян, я приму любой твой выбор. Ты мой сын. И я всегда буду на твоей стороне.

Я невольно улыбнулся.

— Забавно. Маргарет сказала мне почти то же самое.

— Что ж, — в голосе отца послышались теплые нотки, — эта женщина мне уже нравится. Покажешь мне ее фото?

Я молча переслал ему тот самый снимок. Через несколько

секунд он ответил.

– Она очень красивая, Себастьян. И в ней чувствуется глубина. Хотя, конечно, не могу не отметить легкий налет Эдипова комплекса в твоём выборе...

– Отец, прошу, не начинай.

– Ладно, ладно, молчу, – рассмеялся он. – Просто помни, что любой твой выбор — это ответственность. И так или иначе, рано или поздно тебе придется сделать свой вклад в будущее семьи Лоу.

– Папа!

– Что? Ты будешь обвинять старика в том, что он мечтает о внуках? – он снова засмеялся. – Я верю, что ты сделаешь правильный выбор. Хотя мне чертовски интересно, что скажет твоя мать, когда узнает, что ты влюблен в мою ровесницу. Она ведь у нас строгая.

Мы поговорили еще немного о пустяках, и я повесил трубку. В голове впервые за долгое время воцарился порядок. У меня не было готового решения, но теперь у меня был план. И осознание того, что за моей спиной стоит скала. Мой отец.

Бостон встретил меня промозглым ветром и архитектурой, которая отчаянно пыталась казаться старше, чем была на самом деле. Для американца эти кирпичные фасады и узкие улочки — сама история. Для меня, лондонца, это был новодел, симпатичная, но не более чем имитация. Здесь не было вековой тяжести камня, не было призраков в каждом переулке. Новый Свет. Даже в названии сквозила какая-то

наивная самоуверенность. Я чувствовал себя здесь чужаком, словно переодетый актер в чужой пьесе.

Я сел на скамейку в парке Бостон-Коммон, расстегнув ворот пальто. Из бумажного стаканчика шел пар — черный чай, единственное, что примиряло меня с этой реальностью. Передо мной лежала папка, которую мне сунула детектив Анна Льюис перед отъездом. Досье на нашего врага.

Профессор истории и философии Джулиан Эдридж. На фотографии в досье на меня смотрел мужчина лет пятидесяти с проседью в густых волосах и пронзительными голубыми глазами. Одетый в безупречный серый двубортный костюм в клетку, с идеально подобранным галстуком и нагрудным платком. Он не выглядел как сумасшедший культист, одержимый идеей апокалипсиса. Он выглядел как человек с обложки журнала Forbes, как тот, кто читает лекции о стоицизме и жертвует на благотворительность. Идеальный фасад.

Согласно досье, его репутация была безупречна. Уважаемый преподаватель, любимец студентов, автор нескольких монографий, разобранных на цитаты в академических кругах. И одна трагическая деталь: пятнадцать лет назад он потерял жену Алису и маленькую дочь в автокатастрофе. Их сбил пьяный водитель. Вот оно. Точка слома. Боль, которая либо делает человека святым, либо монстром. Эдридж, очевидно, выбрал второй путь.

Телефон в кармане вибрировал. Короткое сообщение от

неизвестного номера, который я, конечно же, знал наизусть.

«Говорят, в Бостоне неплохие музеи. Будь осторожен, Себастьян. Колонии могут быть опасны».

Это была Маргарет. Оливия, должно быть, проболталась ей о моей поездке. Я быстро проверил новостную ленту бостонского Музея изящных искусств. Так и есть. «Ведущий реставратор Маргарет Пирс прибыла для консультации по восстановлению коллекции живописи эпохи Ренессанса в филиале музея в Конкорде».

Конкорд. Совсем рядом.

Внезапная, почти мальчишеская радость согрела меня изнутри, растопив бостонскую промозглость. Мысль о том, что после лекции этого безумца я смогу сесть в машину и через час увидеть ее, была подобна глотку лучшего виски. Я откинулся на спинку скамейки, прикрыл глаза и представил ее улыбку. Я пил свой остывающий чай, листал досье на человека, мечтающего уничтожить мир, и думал лишь о женщине, которая этот мир для меня воссоздавала заново.

– Размышляешь о тщете всего сущего, глядя на потуги этих колонистов построить цивилизацию?

Голос. Знакомый до дрожи. Спокойный, чуть насмешливый, с идеальным британским произношением, которое здесь, в Бостоне, звучало как выстрел.

Я обернулся.

Передо мной стоял мой крестный отец, Александер Фредерик Монтгомери. Он выглядел как всегда — безупречно.

Идеально скроенное пальто, ни единой складки. Его черные волосы были зачесаны назад, а глаза цвета зимнего неба смотрели на меня с привычной смесью сдержанной привязанности и вселенской скуки. Ему было пятьсот тридцать семь лет, и он видел падение империй. Мои проблемы для него были не более чем забавной рябью на воде вечности.

Рядом с ним, картинно прислонившись к стволу дерева, стоял Валериан Кармиан. В отличие от строгой элегантности Монтгомери, Валериан был воплощением театрального гедонизма. Бархатный пиджак сливового цвета, шелковый шарф, небрежно намотанный на шею. Он лениво помахал мне рукой с длинными пальцами. Ему было всего четыреста восемнадцать, и он все еще находил в человеческой суе неиссякаемый источник для развлечений.

– А я говорю, – протянул Валериан своим тягучим, бархатным голосом, – мальчик просто заскучал по дому и решил найти самое унылое место в этом так называемом Новом Свете, чтобы поностальгировать. Какая прелестная, трагическая поза, дорогой Себастьян! Тебе не хватает только черепа в руке. Бедный Йорик и все такое.

Я мысленно усмехнулся. Это было похоже на то, как если бы идеально сохранившаяся ренессансная фреска вступила в спор с вычурным барочным гобеленом. Две эпохи, два стиля, одна вселенская скука.

– Крестный. Валериан. Какими судьбами? – я встал, отряхивая с пальто невидимые пылинки. – Решили проверить, не

умер ли я от скуки в этой колыбели пуританства?

– Мы здесь не ради архитектурных изысков, Себастьян, – ровным тоном ответил Монти, его взгляд скользнул по папке в моей руке. – Мы здесь из-за него.

Я проследил за его взглядом. На обложке досье было имя. «Джулиан Элдридж».

– Так и думал, – кивнул я. – Я приехал на его лекцию. Хочу послушать, что он скажет. Понять, как он мыслит. «Познай врага своего», и все такое.

Валериан картинно закатил глаза, издав звук, похожий на шипение рассерженного кота.

– Элдридж? О, боги. Этот скучный, маленький апостол конца света? Ты серьезно приехал слушать его завывания? Я был его... консультантом, скажем так. Поверь, милый мальчик, все его величие — не более чем хорошо поставленный спектакль для отчаявшихся душ. Скука смертная.

– Желание изучить противника похвально, Себастьян, – вмешался Монти, его голос был холодным и острым, как скальпель. – Классическая тактика. Но Элдридж — это не просто сумасшедший с манией величия. Его сила не в магии или древних артефактах. Его сила в словах. Он берет чужую боль, чужое горе — как его собственную трагедию, — и строит из этого собор своей веры. Он говорит людям то, что они отчаянно хотят услышать: что их страдания имеют смысл, что есть виновные, и что грядет великое очищение. Будь осторожен. Его лекции — это не обмен мнениями. Это

вербовка.

– Он прав, котенок, – лениво протянул Валериан, рассматривая свои ногти. – Этот серый кардинал умеет плести сети. Он почти убедил *меня*, что конец света — это стильно и своевременно. Меня! Представляешь, какая наглость?

Я кивнул, убирая досье обратно в папку. Совет крестного всегда стоил того, чтобы к нему прислушаться.

– Я понял. Буду начеку. Но это не объясняет, где вы пропадали все это время, дядя Монти? После той заварушки в парке Роугштейн от тебя не было ни слуху, ни духу. Только пара коротких сообщений.

Монтгомери позволил себе едва заметную, сухую улыбку.

– Мы путешествовали. У Валериана, скажем так, возникла острая необходимость закрыть несколько гештальтов.

– Гештальтов! – всплеснул руками Валериан, и его театральность заполнила все пространство вокруг. – Какое прозаичное слово для симфонии возмездия! Я просто наносил визиты вежливости старым знакомым. Тому антиквару в Праге, что подсунул мне подделку в 1788-м. Той графине в Венеции, что пыталась запереть меня в склепе на рассвете. Тому кардиналу в Риме, который... впрочем, неважно. Мелочи, приятные хлопоты по восстановлению вселенской справедливости.

– И пока он предавался этим «приятным хлопотам», – закончил за него Монти, с нескрываемым цинизмом глядя на друга, – мне приходилось следить, чтобы в порыве гедониз-

ма он не сжег, к примеру, половину Тосканы. Опять.

Монти сцепил пальцы в замок, его взгляд стал острым, как осколок обсидиана.

– Хватит о мертвых и умирающих. Давай о живых. Как та юная воительница, Оливия? Я думал, к этому времени ты уже разобьешь ей сердце или, наоборот, позволишь ей разбить твое. Это ведь в духе смертной молодежи.

Я вздохнул, проводя рукой по волосам.

– С Оливией... у нас, скажем так, особенная ситуация.

– Особенная? – Валериан подался вперед, его глаза загорелись нездоровым интересом. – О, я обожаю «особенные» ситуации! Не томи, котенок. Она оказалась тайной наследницей проклятого рода? Или, может, по ночам она превращается в нечто с щупальцами?

– Хуже, – усмехнулся я. – Я влюблен в ее мать.

На секунду повисла тишина. Даже бостонский ветер, казалось, замер. Первым ее нарушил Валериан. Он откинул голову назад и расхохотался — громко, театрально, так, что несколько проходивших мимо студентов испуганно обернулись.

– Великолепно! Браво! Какая восхитительная, какая *deliciously tragic* конфигурация! Мать, дочь, и юный герой между ними! Это же почти греческая трагедия! Монти, ты слышишь? Это лучше, чем сжигать Тоскану!

Монтгомери не смеялся. Он просто смотрел на меня, и в его глазах векового льда мелькнул проблеск... чего-то похо-

жего на сочувствие.

– Это действительно усложняет дело, – произнес он ровным тоном. – Это создает клубок эмоциональных обязательств и потенциальных обид, распутать который будет практически невозможно без потерь.

– Я уже советовался с отцом, – признался я.

– Аберфорд, – кивнул Монти с явным уважением. – Твой отец — один из немногих смертных, чья пронизательность не вызывает у меня саркастической ухмылки. Его суждения стоят многих веков опыта. И что он сказал?

– Сначала поговорить с Оливией. Внести ясность. Закрыть эту дверь.

– Логично, – согласился крестный. – А теперь ты просишь совета у нас? У стратега, уставшего от мира, и у капризного бога хаоса? Смелый выбор.

– Покажите мне их! – потребовал Валериан, потирая руки в предвкушении. – Я должен увидеть актрис этой божественной драмы!

Я вздохнул и достал телефон, открыв две фотографии. Сначала Оливию, потом Маргарет.

Валериан склонился над экраном.

– Хм. Девчушка. Милая, конечно. Огонь в глазах, как у необъезженной кобылки. Пустой холст, на котором можно нарисовать что угодно — шедевр или кровавую мазню. А теперь... мать.

Я переключил на фото Маргарет. Валериан замолчал, его

маска театральности на миг спала.

– О... – выдохнул он. – А вот это уже законченное полотно. Здесь нечего дорисовывать. Каждый мазок на своем месте. В ее глазах не просто огонь, а целая история пожаров.

– Одна — это обещание, – заключил Монти, едва взглянув на экран. – Вторая — это состоявшийся факт. Одна — это бурный поток, вторая — океан. Потоки со временем мелеют, Себастьян. Океаны остаются.

– Так что же мне делать? – спросил я, глядя на них обоих.

– Что делать? – снова рассмеялся Валериан. – Наслаждаться, мой мальчик! Играть обеими! Заставь дочь ревновать к матери, а мать — терзаться чувством вины перед дочерью! Сотвори такую симфонию отчаяния и страсти, чтобы сами боги на Олимпе заплодировали! Жизнь — это театр, а ты получил главную роль в лучшей пьесе сезона! Не будь скучным зрителем!

– Не слушай его, – прервал его Монти. Его голос был холодным и трезвым. – Его совет приведет лишь к руинам, а он будет стоять на них и аплодировать. Послушай меня, Себастьян. Подумай вот о чем. С кем из них ты видишь себя через пять лет? Через десять? С кем ты сможешь говорить, когда первоначальная страсть утихнет? Кто поймет твою суть, а не только твою оболочку? Выбери ту, с кем твой мир станет шире, а не ту, что заставит его сужиться до размеров своих капризов и обид. А сделав выбор, действуй. Решительно и без сантиментов. Отрежь все лишнее одним ударом. Это бу-

дет больно, но это будет честно.

Я кивнул.

– Спасибо, крестный.

Монти пристально посмотрел мне в глаза. Его взгляд, казалось, проникал в самую душу.

– Ты ее любишь? Маргарет.

Вопрос был прямым, и ответ мог быть только таким же.

– Очень.

Монтгомери медленно кивнул, словно получил последний недостающий фрагмент в сложной стратегической задаче.

– Тогда ты уже сделал свой выбор. Просто боишься последствий. Любовь, Себастьян, это самая большая роскошь и самая опасная уязвимость. Особенно для таких, как мы.

– И самая восхитительная глупость! – подхватил Валериан. – Это делает весь спектакль еще более пикантным!

– Спасибо и тебе, Валериан, – сказал я, глядя на него. – Ценю твой совет. Особенно учитывая, что месяц назад на кладбище Сен-Мишель ты чуть не вырвал мне сердце, а из-за тебя Маркусу пришлось стать... одним из вас.

Валериан изящно пожал плечами, ничуть не смутившись.

– Пустяки, котенок. Я преподавал тебе ценный урок о смертности, а твоему другу-скале подарил вечность. Можно сказать, я ваш благодетель. Вместо упреков я бы предпочел бутылку Chateau Margaux 1787 года. Но для начала сойдет и простое «спасибо».

Я только хмыкнул на тираду Валериана о благодетельности. Монти, казалось, устал от этой темы еще до ее начала.

– Все это... утомительно, – произнес он, обводя взглядом суетливый парк. – Вся эта ваша современная сложность в отношениях. Мать, дочь, вина, долг...

– О, да! – подхватил Валериан, мгновенно сменив пластинку. – Раньше все было гораздо проще! Изящнее! Женщина тебе нравится? Ты посвящаешь ей сонет и убиваешь ее мужа на дуэли. Всё! Никаких мучительных разговоров, никакого «нам надо определить статус наших отношений».

– Он, как ни странно, прав, – сухо согласился Монтгомери. – Была ясность. Прозрачность намерений. Возникло недопонимание — вызвал на дуэль. Вопрос закрыт. Либо ты, либо он. Никаких месяцев пассивно-агрессивных сообщений в мессенджере. Помню одного испанского купца в Севилье, в году этак 1620-м. Его жена была прелестна. Он вызвал меня. Я не стал пачкать перчатки. Я просто купил все его долговые расписки у генуэзских банкиров. Он закончил свои дни, управляя моей факторией в Кадисе. Очень эффективно. И жена была благодарна.

– Скучно! – фыркнул Валериан. – Где искусство? Где страсть? Я помню, как в Милане один ревнивый герцог вызвал меня на рассвете. Боже, какая была драма! Туман над рекой, блеск стали... Главной трагедией было не то, что герцог выжил, а то, что он проткнул мне камзол от лучшего флорентийского портного! А дама? Я уже и забыл ее имя к

полудню. Но сам спектакль! Ах! А что теперь?

Он обвел руками воздух, изображая вселенское разочарование.

– Теперь вы «работаете над отношениями». Вы ходите к психологам, чтобы «проговорить травмы». Никаких писем, написанных кровью, никаких отравленных бокалов, только эти ваши жалкие эмодзи и бесконечные разговоры о «личных границах». Как же это пресно!

– Вся эта ваша терминология, – согласился Монти с кислым выражением лица. – «Токсично», «абыюз», «эмоциональные качели». Вы, смертные, живете так недолго, но умудряетесь придумать столько слов, чтобы описать простейшие вещи: глупость, ревность и похоть. Мы обходились тремя: «хочу», «мое» и «умри».

Я слушал их, и мне казалось, что я попал на закрытый показ сатирического клуба для бессмертных. Два древних хищника, сидя на скамейке в Бостоне, с высоты своих веков выносили приговор современному институту любви. И в чем-то я был с ними согласен.

Монти вдруг замолчал и посмотрел на меня. Вся ирония и сарказм исчезли из его взгляда, оставив только холодную, ясную серьезность.

– Мы можем смеяться над этим, потому что для нас это действительно лишь театр. Игра, которая длится веками. Но тебе, Себастьян, выпал другой жребий. Ты стоишь одной ногой в мире людей. И тебе выпал шанс построить нормальные,

живые, развивающиеся отношения. То, чего у нас никогда по-настоящему не было и не будет. Мы — стагнация. Любовь — это развитие. Не упusti этот шанс из-за страха или глупой нерешительности. Потому что второго может и не быть.

Слова крестного о шансе зацепили меня. Я посмотрел на этих двоих, на два осколка ушедших эпох, сидящих на скамейке в парке двадцать первого века.

— Знаете, — начал я, — я всегда задавался вопросом, как вы на самом деле живете. У меня в детстве был друг, он был одержим мифологией. Он утверждал, что если бы вампиры существовали, то у каждого была бы своя мини-империя. Замок, подданные, казна.

Оба, Монти и Валериан, расхохотались. Смех Монтегмери был тихим, сухим шелестом старых банкнот. Смех Валериана — громким, раскатистым, заставляющим голубей испуганно взлететь с газона.

— Мини-империя? — переспросил Монти, вытирая кончиком платка невидимую слезу из уголка глаза. — Какая очаровательная, детская наивность. Себастьян, пойми, империя — это худшее, что можно придумать для нашего вида. Это внимание. Это логистика. Смертные размножаются и умирают с утомительной скоростью. Сегодня у тебя верный вассал, завтра — его амбициозный сынок, который хочет вонзить тебе кол в сердце. Империя — это якорь. А наше главное преимущество — мобильность и анонимность. Это стратегически невыгодно.

– И невероятно скучно! – подхватил Валериан. – Империя! Это же налоги, прошения, крестьянские бунты, споры о границах! Я бы умер от тоски раньше, чем от солнечного света! Зачем мне королевство, если я не могу спонтанно уехать в Макао, чтобы поставить все на красное, просто потому что мне приснился красный цвет? Нет, спасибо. Управление смертными — это работа для самих смертных. Утомительная и неблагодарная.

– Хорошо, – сдался я. – Но вы живете, и живете неплохо. На что?

Монти пожал плечами, словно вопрос был о погоде.

– Инвестиции, Себастьян. Долгосрочные. В 1588 году я вложил в Голландскую Ост-Индскую компанию. В девятнадцатом веке финансировал строительство железных дорог в Америке. Покупал патенты, о которых все давно забыли. Землю, на которой потом выросли города. Деньги — это просто инструмент, который работает, пока ты спишь. У меня их достаточно, чтобы купить небольшую европейскую страну и оставить еще на пару вечностей карманных расходов.

– А у меня все веселее! – заявил Валериан. – Мои финансы — это коллекция прекрасных историй! Это состояние, выигранное у русского князя в Баден-Бадене. Это кольцо Марии-Антуанетты, которое «потерялось» по пути на эшафот. Это картины, которые я «одалживал» из частных коллекций, пока их владельцы спали вечным сном. Мой капитал — это

искусство, азарт и наглость!

Монти кивнул, его взгляд снова стал серьезным.

– Люди думают, что ненавидят нас за то, что мы хищники. Это не так. Они ненавидят нас за то, что мы свободны. Мы можем быть кем угодно — учеными, художниками, бродягами, финансистами. А они вынуждены быть теми, кем им позволяет быть жизнь, общество, их собственное тело.

– Они ненавидят нас за то, что мы — авторы своей пьесы, а они — лишь статисты в чужой! – с драматическим пафосом изрек Валериан. – Мы живем без оглядки на финал, а вся их жизнь — это один большой страх перед последним актом.

– Именно, – продолжил Монти, не обращая внимания на театральность друга. – Все люди — заложники. Рабы своей сущности. Даже ты, Себастьян. Ты ведь здесь не потому, что тебе нравится Бостон. Ты здесь из чувства долга. Собрать информацию о враге, защитить тех, кто тебе дорог. Ты — раб своего благородства.

– Долг! Какое серое, унылое слово, – скривился Валериан. – По мне, так гораздо увлекательнее было бы похитить и мать, и дочь, и умчаться с ними на какой-нибудь забытый богами остров в Тихом океане. Вот это был бы сюжет!

Я почувствовал тяжесть их слов. Они были правы. Во всем.

– Что же мне тогда делать, крестный?

Монти посмотрел на меня своим пронзительным взглядом.

– Ты задаешь не тот вопрос. Нельзя просто *быть* кем-то. Художником, воином, любовником. Это лишь ярлыки. Только получив цель, ты обретаешь направление и начинаешь чего-то добиваться. В этом разница между существованием и жизнью. Большинство людей бесцельно существуют. Им не хватает вектора. Но я думаю, ты... ты скоро свой найдешь. Или он найдет тебя.

Я взглянул на часы. Время поджимало.

– Ладно, ваша вечная мудрость — это бесценно, но мне пора. Пророк конца света не будет ждать, — сказал я, поднимаясь со скамьи.

– Мы останемся здесь, — твердо произнес Монти. Его взгляд был прикован к внушительному зданию университета. — Твой отец был бы не в восторге, если бы я оставил тебя тут одного. Он специально попросил меня присмотреть за тобой.

Валериан картинно вздохнул, закатив глаза.

– Конечно! Монти играет в ответственного опекуна, а я... я обеспечиваю драматическое напряжение! Без меня эта сцена была бы пресной, как проповедь пуританского священника. К тому же, кто-то должен следить, чтобы Монти от скуки не начал скупать этот ваш Гарвард.

Я остановился. Их логика была безупречна, но один вопрос не давал мне покоя.

– Постойте. Если вы здесь, и, как ты сам сказал, Валериан, Элдридж — корень всех бед, то почему бы просто не...

разобраться с ним? Проникнуть в университет и покончить с этим раз и навсегда?

Монти посмотрел на меня так, как смотрят на способного, но неопытного ученика.

– Себастьян, это не девятнадцатый век. Это здание напшиговано камерами. Сотни студентов и преподавателей станут свидетелями. Исчезновение или внезапная смерть такого человека, как Элдридж, прямо в стенах университета, вызовет расследование такого масштаба, какого мы не видели со времен Джека-Потрошителя. Это привлечет слишком много ненужного внимания.

– Но главная причина даже не в этом, – добавил он, и его голос стал ниже. – Убить Элдриджа сейчас — значит сделать из него мученика. Его идея, его культ, не умрет вместе с ним. Наоборот, она обретет святого покровителя. Его последователи станут в десять раз фанатичнее и опаснее. Чтобы уничтожить змею, нужно сначала отрубить ей не голову, а источник ее яда. Мы должны понять, откуда исходит его сила, и уничтожить ее. А для этого нужно слушать и наблюдать.

– И потом, подумай о суете! – вмешался Валериан с выражением крайнего отвращения на лице. – Полиция, ФБР, все эти скучные люди в серых костюмах, которые будут задавать вопросы. Это так... безвкусно. Убийство должно быть произведением искусства, а не банальной бойней в лекционном зале. Никакой эстетики!

Монти снова перевел взгляд на меня.

– Но будь уверен. Что бы ни случилось там, внутри, мы не дадим тебя в обиду.

– Конечно, не дадим! – подхватил Валериан, хищно улыбаясь. – Если кто-то и будет тебя терзать, то это будем мы! У нас на это эксклюзивные права, мы их заслужили веками знакомства с твоей семьей.

Я не мог не улыбнуться. Их забота была такой же странной и извращенной, как и они сами, но она была настоящей.

– Спасибо, – искренне сказал я, глядя на каждого из них.

Я развернулся и пошел к главному входу университета, навстречу пророку конца света, чувствуя за спиной незримый взгляд двух вечностей.

Глава 2: Бостонское гостеприимство

Я прошел под сводчатой аркой Бостонского университета, и меня невольно одолела усмешка. Мило. Очень старательно, очень по-американски. Они взяли много красного кирпича и построили то, что, по их мнению, должно выглядеть как древний европейский храм знаний. Это было похоже на безупречно сделанную реплику античной статуи: все пропорции соблюдены, материал качественный, но в ней нет души, нет патины веков. Вспоминая, как в детстве отец водил меня по Оксфорду и Кембриджу, я ощущал разницу кожей. Там сами камни, стертые ногами поколений гениев и безумцев, казались, источают мудрость. Здесь же кирпичи просто источали запах новизны.

Но настоящим аттракционом были студенты. Какая кипучая, незамутненная энергия! Они носились по кампусу с огромными стаканами кофе, словно это эликсир жизни, и обсуждали свои «проекты» и «кредиты» с серьезностью, достойной заседания Совета Безопасности ООН. В Англии студент, показывающий чрезмерное усердие, рискует прослыть чудаком. Там принято культивировать вид легкой, аристократической небрежности, даже если ты всю ночь не спал

над учебниками. Здесь же амбиции были модным аксессуаром, который носили открыто и с гордостью. Быть британцем в этом обществе — все равно что быть единственной борзой на выставке золотистых ретриверов. Они полны дружелюбного энтузиазма и готовы принести тебе палку; я же предпочитаю наблюдать со стороны с долей вежливого недоумения.

Я без труда нашел нужную аудиторию. Табличка на двери гласила: «Философия. Курс 305: Кризис современности». Как нельзя кстати. Внутри уже собралось приличное количество народу. Я выбрал место где-то в середине, идеальная позиция для наблюдения. Я вытащил из сумки свой ноутбук и поставил его на стол, открыв текстовый редактор. Во-первых, это была отличная мимикрия — я мгновенно стал похож на одного из них. Во-вторых, я включил диктофон. На всякий случай. Монти бы это назвал предусмотрительностью, Валериан — подготовкой к просмотру спектакля.

Студенческая болтовня постепенно стихла. Дверь в передней части аудитории открылась, и вошел он. Джулиан Элдридж. Он не был похож на фанатика с горящими глазами или на харизматичного лидера культа. Он выглядел обыденно. Он подошел к кафедре, положил на нее книги и обвел аудиторию взглядом. В зале воцарилась полная тишина. Его глаза скользнули по рядам, и мне показалось, что он не просто смотрит, а взвешивает каждую душу, сидящую перед ним.

Наконец, он заговорил. Его голос был тихим, лишенным пафоса, но в нем звучала такая глубокая, вселенская усталость, словно он лично нес ответственность за все грехи мира.

- Доброе утро, — начал Эддридж. — Давайте поговорим о конце. Не как о гипотетической возможности, а как о неизбежности, которую мы все коллективно решили игнорировать.

Я слушал, и чем дольше я слушал, тем больше понимал, почему Монти говорил об осторожности. Эддридж был дьявольски хорош. Он не кричал, не брызгал слюной, не призывал к анархии. Он был интеллектуальным хирургом, который с холодной, аскетичной точностью вскрывал гнойники современного общества. Он говорил о распаде связей, об атомизации личности в эпоху гиперкоммуникации, об утрате великих нарративов, которые придавали смысл человеческому существованию.

И студенты... они висели на каждом его слове. Он не читал лекцию, он дирижировал диалогом. Он задавал вопросы, выслушивал ответы, мягко подталкивая, направляя мысль аудитории к заранее определенному, мрачному выводу. В его манере не было высокомерия; наоборот, он излучал некое скорбное сострадание, словно ему было искренне жаль этих молодых людей, которым выпало жить в эпоху заката. В моей голове складывался портрет. Не фанатик, а архитектор. Архитектор отчаяния. Он не продавал им ненависть, он да-

рил им общую боль и ощущение сопричастности к чему-то великому и трагическому. Это было куда опаснее.

Признаюсь, это было чертовски интересно. Пару раз я даже поймал себя на том, что киваю его мыслям. Его тезис о том, что современный гуманизм, поставив человека в центр вселенной, лишил его вселенной, был элегантен и жесток в своей логике. Я занес его в свой файл, напечатав короткое «Запомнить для себя: обсудить с Монти».

Элдридж в очередной раз обвел аудиторию взглядом в поиске нового собеседника. Его глаза остановились на мне. На секунду воцарилась тишина.

– Молодой человек в третьем ряду, – спокойно произнес он. – Вы не здешний.

Я слегка приподнял бровь.

– Слишком хорошая осанка для того, кто вырос на фаст-фуде, и слишком спокойное лицо для того, кто переживает из-за студенческих кредитов, – с легкой, почти отеческой улыбкой пояснил он. – И пиджак выдает. Англия? Мне льстит, что соотечественник заглянул на мою скромную лекцию.

Студенты вокруг меня зашептались, оборачиваясь. Элдридж не повысил голоса, но теперь все внимание в зале было приковано ко мне. Что ж, в долгу не останусь.

– Неплохо, профессор, – ответил я, глядя ему прямо в глаза. – Ваше произношение тоже весьма красноречиво. Улавливаю нотки Блэк-Кантри. Окрестности Бирмингема?

На его аскетичном лице не дрогнул ни один мускул, но я увидел в глубине его глаз короткую вспышку... уважения. Он не ожидал ответного выстрела.

– Метко, – коротко кивнул он. И тут же вернулся к своей роли. – Тогда, как человек, выросший на руинах одной империи и наблюдающий за закатом другой, ответьте мне на вопрос. Если, как мы установили, современное общество — это корабль, давший течь и идущий ко дну, то в чем заключается долг отдельного пассажира? Пытаться в одиночку заделать пробоину, зная, что это бесполезно? Успокаивать других, говорить им ложь о спасении? Или же, приняв неизбежное, научить их встречать волны с достоинством?

Он смотрел на меня, ожидая ответа. Вся аудитория смотрела на меня.

«Что ж, – подумал я, откидываясь на спинку стула, – бостонское гостеприимство мне уже нравится».

Вопрос повис в воздухе, густом и напряженном. Это был не просто вопрос, это был вызов, брошенная перчатка. Элдридж не просто спрашивал мое мнение, он тестировал меня, препарировал на глазах у всей аудитории.

– Выбор, который вы предлагаете, профессор, элегантен в своем пессимизме, – начал я, позволяя себе легкую улыбку. – Но вы, кажется, упустили четвертый вариант. Долг пассажира с ясной головой — не выбирать один из трех путей к гибели. А стать лидером. Собрать тех, кто еще способен действовать, выломать двери кают, сорвать со стен деревянные

панели и построить плот. Задача не в том, чтобы спасти тонущий корабль, — он уже обречен, как вы верно заметили. Задача в том, чтобы спасти людей. Это долг прагматичного действия, а не философского принятия.

Элдридж медленно кивнул, его глаза не отрывались от моря. Он не выглядел впечатленным или разочарованным. Он выглядел как ученый, наблюдающий за предсказуемой химической реакцией.

— Похвальный, очень британский порыв. Дух Дюнкерка, — произнес он ровно. — Но что такое плот, молодой человек? Плот — это лишь корабль поменьше, тонущий медленнее. Вы не решили проблему безбрежного, холодного океана. Вы просто подарили пассажирам более хрупкое судно и более жестокую, растянутую во времени надежду перед лицом все той же неизбежности.

Он был хорош. Он не спорил с фактами, он атаковал саму суть надежды.

— Эта растянутая во времени надежда, профессор, также известна под названием «жизнь», — парировал я. — Смысл не всегда в конечном пункте назначения. Иногда смысл в самом путешествии, в борьбе. Сам акт постройки плота, совместные усилия, — это и есть то, что отличает осмысленное существование от простого ожидания конца. Это разница между тем, чтобы умереть как безликая цифра в списке потерпевших кораблекрушение, и тем, чтобы жить как сообщество, пусть и недолго.

– Красивый довод, – согласился Эддридж с той же безжалостной мягкостью. – Но «сообщество», которое вы описываете, основано на общей лжи. На вере в то, что ваш плот причалит к берегу. Вы предлагаете им утешительную иллюзию, чтобы отвлечь от фундаментальной правды их положения. Не есть ли это самый жестокий из обманов? Истинное достоинство, я бы сказал, заключается не в общем заблуждении, а в тихом, личном мужестве взглянуть в бездну и не отвести взгляд.

Я чувствовал, как он загоняет меня в угол своей мрачной логики. Пора было сменить тактику.

– Возможно. Но вы исходите из того, что океан пуст, – я подался вперед. – Плот — это не просто средство передвижения, это сигнал. Он повышает вероятность быть замеченным проходящим судном. Он допускает возможность того, что течение вынесет к непредвиденному острову. Принять гибель корабля — значит согласиться с нулевым шансом на спасение. Строить плот, даже если он обречен, — это значит вступить в игру со случаем, отказаться отдавать свою судьбу на откуп предрешенному финалу. Это не заблуждение. Это статистика.

Эддридж выслушал меня, и впервые за все время на его тонких губах появилась тень улыбки. Она не коснулась его глаз, оставшихся холодными, как глубины того самого океана, о котором мы спорили.

– И вот мы пришли к сути, – сказал он тихо, но его голос

разнесся по всей притихшей аудитории. – К самому сердцу современного кризиса. Отчаянная, лихорадочная потребность торговаться с неизбежным. Применять статистику и теорию вероятности к тому, что является абсолютом. Вы отказываетесь видеть красоту и чистоту окончательного финала, предпочитая ему хаотичную, грязную лотерею сомнительного шанса. Вы ищете не спасения, молодой человек. Вы бежите от катарсиса.

Катарсис. Он произнес это слово так, словно оно было единственной достойной целью существования. Мой катарсис, по его мнению, заключался в том, чтобы сдаться.

– Таким образом, – продолжил Элдридж, и его голос вернулся себе бесстрастность лектора, – мы подходим к более фундаментальному вопросу. К тому, что лежит в основе вашего инстинктивного желания строить плоты и верить в статистику. К вопросу Судьбы. Является ли она неизбежным пунктом назначения, высеченным в камне вечности, или же вы придерживаетесь более... голливудской точки зрения?

Он снова смотрел на меня. Этот дьявол в твиде превратил всю аудиторию в свой личный театр, а меня — в главного актера. Что ж, если я на сцене, я буду играть свою роль.

– Как по мне, профессор, тут все просто, – ответил я с максимально обезоруживающей улыбкой. – Судьбы нет, кроме той, что мы творим сами.

По аудитории пронесся тихий смешок. Элдридж позволил ему затихнуть, и его собственная, сухая усмешка была ост-

рее любого клинка.

– «Терминатор 2: Судный день», – констатировал он. – За-
мечательно. Я, в свою очередь, всегда предпочитал Софокла:
«Никто из смертных от судьбы не уйдет». Его цитата явно
лучше, чем фраза опустившегося актера из переоцененного
фильма о роботах. Но давайте отставим культурные предпо-
чтения. Вы утверждаете, что творите свою судьбу. Докажите.

– Легко, – я развел руками. – Сегодня утром я решил на-
деть этот пиджак, а не другой. Я решил прийти на вашу лек-
цию, а не пойти пить кофе. Каждый наш выбор, от самого
ничтожного до судьбоносного, создает новую ветку реально-
сти. История — это не predetermined сценарий, а сумма
выборов, сделанных миллиардами людей.

– Ошибаетесь, – спокойно возразил Элдридж. – Вы опи-
сываете не выбор, а реакцию на стимулы. Вы надели этот
пиджак, потому что он соответствовал вашему представле-
нию о себе. Вы пришли сюда, потому что ваше любопыт-
ство пересилило вашу потребность в кофеине. Каждое ва-
ше «решение» — это лишь предсказуемый результат сложе-
ния ваших генов, воспитания, опыта и химических процес-
сов в мозгу. Вы не выбираете. Вы подчиняетесь сложнейше-
му уравнению, решения которого не можете просчитать.

– Это философская эквилибристика, профессор. На прак-
тике человек, стоящий на краю пропасти, может выбрать —
прыгнуть или отойти. Этот выбор реален, и его последствия
абсолютны. Это не уравнение. Это воля.

– А что сформировало эту волю? – тут же парировал он. – Отчаяние или мужество? И откуда взялись они? Не являются ли они продуктом всей его предыдущей жизни, каждой радости и каждой травмы, которые вели его к этому краю? Он не выбирает. Он лишь исполняет финал той пьесы, которую для него написала жизнь. Его прыжок или шаг назад — это просто последняя строчка.

– Но ведь есть люди, которые ломают сценарий! – я начал чувствовать, как его ледяная логика сковывает меня. – Люди, которые, вопреки всему своему прошлому, вопреки логике и ожиданиям, совершают немыслимый поступок — акт милосердия или чудовищной жестокости. Это и есть доказательство свободы — способность действовать вопреки собственной «программе».

– Это не доказательство свободы, – он покачал головой с видом бесконечного терпения. – Это доказательство того, что вы не видите всей программы. Вы видите лишь один маленький фрагмент кода и принимаете его сбой за свободную волю. А я говорю вам, что это не сбой. Это просто более сложная, более изящная часть того же самого, неизбежного сценария. Вы видите волну, я вижу течение. Вы можете бабахтаться сколько угодно, но река все равно впадет в море.

Река все равно впадет в море. Его метафора была идеальна в своей безысходности. Я мог бы возразить, что человек способен строить плотины и менять русла рек, но я понял, что это бессмысленно. Мы зашли в тупик. Он видел систему,

я видел исключения. Он видел неизбежность, я — возможность. Наша дуэль зашла в пат.

Кажется, он понял это одновременно со мной.

– Впрочем, – сказал Элдридж, плавно возвращаясь к роли лектора, – это уже область метафизики. Вернемся к более осязаемым кризисам...

Лекция закончилась так же внезапно, как и началась. Студенты, очнувшись от его гипнотического голоса, начали собирать вещи и шумно покидать аудиторию. Я же сидел на месте, переваривая наш поединок. Когда последний студент вышел, оставив за собой лишь скрип двери, Элдридж, собиравший свои книги, вдруг остановился и посмотрел на меня.

– Мне было приятно с вами дискутировать, – сказал он, подходя ближе. Его шаги были бесшумны. – Давно мне не попадался столь живой ум. Обычно я чувствую себя так, будто играю в шахматы с голубем: он просто сбивает фигуры, гадит на доску и улетает, уверенный в своей победе.

– Я всего лишь любопытный турист, профессор, – я закрыл ноутбук. – Просто пытаюсь понять, как устроен мир по эту сторону Атлантики.

– Понимаю, – он кивнул. – У меня сейчас настроение поиграть в шахматы. По-настоящему. А достойного противника, как вы понимаете, здесь нет. Ни среди студентов, ни, увы, среди моих коллег. Не составите компанию?

Его предложение было таким же спокойным и логичным, как и все его аргументы. И таким же опасным. Отказаться

— значило проявить страх.

– С удовольствием, – ответил я.

Мы молча дошли до его кабинета. Это было не логово злого гения, а скорее стратегический штаб. Аскетичный стол, два стула. Стены были от пола до потолка заставлены стеллажами с книгами — философия, история, теология, физика, военная стратегия. На одной стене висела огромная карта мира, испещренная пометками и линиями. Никаких личных вещей, фотографий, безделушек. Только функция.

Он достал с полки старую деревянную доску и набор резных шахматных фигур. Пока он расставлял их, его голос нарушил тишину.

– Я знаю, зачем вы здесь, Себастьян. Вы собираете информацию. Пытаетесь понять меня, мои мотивы, мой план. Потому что до вас дошли слухи, что я собираюсь устроить то, что вы называете концом света, открыв разлом в иные миры в местечке под названием Эшвуд.

Отрицать было глупо. Он смотрел на меня не как на врага, а как на интересную задачу.

– Что ж, когда вы так говорите, это звучит почти невежливо, – усмехнулся я. – Я предпочитаю термин «независимое исследование».

– Вполне в вашем духе, – он поставил на доску черного короля. – И у вас, должно быть, возник логичный вопрос.

– Возник, – подтвердил я. – С вашей, как я понимаю, внушительной армией последователей, почему вы не убили ме-

ня на подходе к Бостону? Или прямо здесь и сейчас?

– Убивать вас? – Элдридж поставил на место белую ладью, и звук дерева о дерево прозвучал в тишине кабинета как щелчок взводимого курка. – Какая грубая, лишённая воображения мысль. Вы смотрите на это как на войну, где нужно устранять фигуры противника. Я же смотрю на это как архитектор, который строит новое здание. А вы, Себастьян, не враг. Вы — необходимый катализатор. Ваше сопротивление, ваши попытки помешать мне, ваше предсказуемое стремление «построить плот» — все это создаст именно те условия, тот необходимый уровень хаоса и отчаяния, который нужен для финального шага. Вы — мой самый ценный, хотя и невольный, союзник. Кроме того, — он поднял на меня глаза, и в них не было ничего, кроме холодной, исследовательской логики, — смерть — это слишком простой выход. Моя цель не в том, чтобы вас уничтожить. А в том, чтобы вы, в конце концов, сами подошли к этой доске и признали, что другого пути, кроме моего, никогда и не было. Ваше понимание станет последним кирпичом в фундаменте нового мира. Убить вас сейчас — значило бы признать свое поражение в главном споре.

– А как вы узнали? О моей миссии, о том, что я приеду?

Элдридж тихо рассмеялся. Это был сухой, безрадостный смех.

– Какой наивный вопрос.

Я пожал плечами.

– Раз уж вы решили корчить из себя Бондовского злодея, то будьте любезны отыгрывать роль до конца. Полагается монолог с объяснением гениального плана.

Его смех стал чуть громче.

– Скажем так, у меня везде есть свои люди. Даже там, где вы считаете себя в полной безопасности. – Он закончил расстановку. Доска была готова. – Выбирайте.

Я протянул руку и взял белую пешку.

– Белые, – констатировал он без тени удивления. – Цвет тех, кто верит, что может начать и победить. Очень предсказуемо.

Он подвинул свою черную пешку вперед.

– Итак, начнем. Не хочу заставлять вашего крестного ждать.

Холод пробежал по моей спине, вытесняя всю мою напускную браваду. Он знал. Он знал не просто обо мне. Он знал о Монти. Игра началась задолго до того, как я сел за эту доску, и я понял, что я в ней не игрок. Я всего лишь фигура.

Глава 3: Судьба

Фраза о крестном повисла в воздухе, холодная и тяжелая, как надгробная плита. Он знал. И он хотел, чтобы я знал, что он знает. Каждый щелчок шахматной фигуры по дереву теперь звучал как выстрел в этой тихой войне.

Мой ход: e4. Классическое начало. Прямолинейный захват центра. Заявление о намерениях. Я не собирался отсиживаться в обороне.

Его ответ: c5. Сицилианская защита. Асимметрично, сложно, немедленный вызов моему контролю.

Он не собирался играть в простую, симметричную игру. Он был хорош. Дьявольски хорош. Его пальцы, тонкие и сухие, перемещали фигуры с экономичной точностью хирурга. Ни одного лишнего движения.

Попутно мы продолжали наш разговор, который был такой же партией, как и та, что разыгрывалась на доске.

– Скажите, Себастьян, – произнес он, не отрывая взгляда от фигур, – у каждого человека, даже если он этого не осознает, есть девиз. Поговорка, цитата, которая определяет его жизненный путь. Какая у вас?

Я задумался, обдумывая свой следующий ход и его вопрос. Можно было отшутиться чем-то в духе Уайльда, но я чувствовал, что он требует не остроумия, а правды. Он хотел

увидеть карту моей души, чтобы лучше ее разгромить. И я решил ему ее дать.

– *Fiat justitia ruat caelum*, – произнес я, выдвигая своего коня.

Мой ход: Nf3.

Он поднял глаза от доски, и в них промелькнуло нечто похожее на аналитический интерес.

– «Да свершится правосудие, даже если небеса падут». Громко. Драматично. Очень по-римски. И очень по-юношески абсолютно. Чем обусловлен такой выбор?

Его ход: d6. Укрепление пешечной структуры. Он не спешил, выстраивая свою крепость.

– Я рано усвоил, что у монстров и у людей, которые за ними стоят, всегда есть веская причина творить то, что они творят, – ответил я, глядя ему в глаза. – Вампир сошлется на свою природу и неутолимый голод. Фанатик — на волю своего бога. Тиран — на необходимость порядка. У них всегда будет своя логика, свое оправдание, своя маленькая трагедия, которая, по их мнению, дает им право причинять трагедии другим. Но их причины не меняют сути их деяний. Моя работа — не выслушивать их исповеди и не сочувствовать их сложной судьбе. Моя работа — остановить их. Свершить правосудие. А рухнут при этом небеса или нет — это уже детали.

Элдридж позволил моим словам повиснуть в тишине своего кабинета. Он не выглядел впечатленным или оскорблен-

ным. Он выглядел как математик, который выслушал красивое, но неверное доказательство теоремы.

Его ход: гб. Подготовка к фианкетто слона. Скрытая, дальнобойная угроза.

– Восхитительная, хоть и ограниченная, точка зрения, – наконец произнес он. – Вы исходите из того, что вы — агент правосудия, а я — тот, кто заставляет небеса рушиться. А вы никогда не думали... что рушащиеся небеса — это и есть правосудие? Что моя работа — это не преступление, а приговор, давно назревший? Приговор миру, который обанкротился. Миру, чье время вышло.

Его слова были не просто аргументом, они были ядом, который он пытался влить мне прямо в душу. Он брал мою веру в правосудие и выворачивал ее наизнанку, превращая в знамя для своего апокалипсиса.

– Приговор, вынесенный самопровозглашенным судьей, – это не правосудие, профессор, – я сделал свой ход. – *Мой ход: d4. Открытая Сицилианка. Я вскрывал центр, приглашая его на бой на открытой местности. Хватит прятаться за пешечными цепями.* – Это тирания в космическом масштабе. Вы смотрите на мир и видите только его болезни, его пороки, его гниль. И решаете, что проще сжечь пациента, чем лечить его. Но вы забываете о том, что даже в самом больном организме есть здоровые клетки. Есть любовь, есть самопожертвование, есть искусство, есть простое человеческое достоинство. Вы предлагаете сжечь всю библиотеку челове-

ства, потому что в ней много плохих книг. А я говорю, что даже одна хорошая книга стоит того, чтобы спасти всю библиотеку.

Его ход: sxd4. Он принял вызов без малейшего колебания, забирая мою центральную пешку. Он не боялся осложнений. Он в них процветал.

– Ваша метафора сентиментальна, Себастьян, – произнес он, и его голос был холоден, как сталь. – Вы говорите о «здоровых клетках». Но что они делают? Они продолжают функционировать в безнадежно больном теле. Ваше «достоинство» и «любовь» – это не более чем паллиативная помощь для умирающего. Вы предлагаете давать ему морфий, чтобы он не чувствовал боли в последние мгновения, в то время как я предлагаю акт милосердия — эвтаназию. Не я судья. Я всего лишь аудитор, который, проверив все счета, пришел к единственному выводу: это предприятие — банкрот.

Мой ход: Nxd4. Мой конь занял ключевой пост в центре доски. Теперь я был в гуще событий, где каждая ошибка могла стать последней.

– Вы ошибаетесь. Это не милосердие. Это гордыня, – возразил я. – Гордыня, заставляющая вас верить, что вы один способны постичь всю сложность системы и вынести окончательный вердикт. А что, если вы не правы? Что, если в вашем уравнении есть переменная, которую вы не учли? Шанс на исцеление, на мутацию, на то самое чудо, которое вы так презираете? Уничтожая мир, вы уничтожаете не только его

настоящее, но и все его возможные варианты будущего.

Его ход: Nf6. Развитие коня с одновременным нападением на мою главную пешку. Тихий, эффективный, многозадачный ход. Он заставлял меня реагировать, отвлекал от моих собственных планов.

Мой ход: Nc3. Я защитил пешку и укрепил центр. Игра перешла в стадию напряженного маневрирования.

Его ход: Bg7. Слон вышел на большую диагональ, скрытая угроза, нацеленная в самое сердце моего будущего королевского фланга. Это была система «Дракон». Агрессивная, острая, как бритва, скрывающаяся за внешне спокойными, академическими ходами. Как и он сам.

– Чудо, Себастьян, – произнес он, и в его голосе прозвучало почти научное любопытство, – это статистическая аномалия. А полагаться на аномалии в вопросах такого масштаба — это не надежда. Это безумие. Вы говорите, что я уничтожаю варианты будущего. А я говорю, что у мира, в котором единственная надежда — это чудо, нет будущего, заслуживающего спасения. Вы так отчаянно ищете в нем redeeming value — искупающую ценность. А я здесь, чтобы сказать вам, что после тщательной проверки ее не обнаружено.

Его спокойствие было страшнее любого крика. Он не просто верил в свою правоту, он обитал в ней, как в неприступной крепости из льда.

– И кто же проводил эту проверку, профессор? Кто выдал вам мандат на вынесение окончательного вердикта? – спро-

сил я, делая ход. – *Мой ход: Вез.* Я вывел слона, готовясь к длинной рокировке и атаке на его короля. Югославская атака. Прямая, бескомпромиссная агрессия. Если он считает себя Драконом, я стану святым Георгием. – Ценность — не балансовый отчет, который можно свести к нулю. Ценность жизни — это сумма субъективных переживаний. Вы не можете ее измерить, потому что вы не можете ее прожить. Вы ставите себя вне системы, чтобы судить ее, и в этом ваша главная ошибка. Вы не аудитор. Вы просто аутсайдер с манией величия.

Его ход: Нсб. Он развил своего второго коня, оказывая давление на мой центр. Спокойный, уверенный ответ на мою агрессию. Он видел мой план и начинал готовить контригру.

– Опять апелляция к эмоциям, – он слегка покачал головой. – Вы правы, я не могу прожить миллиарды жизней. Но я могу проанализировать систему, которую они создают. И эта система — хаос. Самопожирающая машина, работающая на конфликтующих желаниях и краткосрочных импульсах. Ваши «субъективные переживания» – это топливо для энтропии. Я сужу не каждую отдельную песчинку, а песчаную бурю, которая летит в пропасть. Моя задача — остановить бурю. А то, что она состоит из отдельных песчинок, — прискорбный, но несущественный факт.

Мой ход: f3. Я укрепил свой центр, подготавливая плацдарм для дальнейшего наступления. Мой план был прост и

жесток: мат на его королевском фланге. Я должен был действовать быстрее, чем он сможет организовать контриг-ру на другой стороне доски.

– Вы прячетесь за красивыми абстракциями, профессор. «Система», «энтропия», «буря». Это позволяет вам не думать о том, что вы собираетесь уничтожить. Вы говорите не об остановке бури, а об убийстве миллиардов людей. Каждого со своей субъективной ценностью, которую вы списали со счетов. Вы не философ. Вы претендент на звание самого эффективного серийного убийцы в истории.

Его ход: О-О. Рокировка. Он убрал короля в безопасность, словно моя тирада была не более чем ожидаемым шумом. Холодный, практичный ход, демонстрирующий полное презрение к моей попытке воззвать к его совести.

– Хирург, ампутирующий пораженную гангреной конечность, чтобы спасти тело, с точки зрения самой конечности — тоже безжалостный мясник. Разница, Себастьян, всегда заключается в перспективе и цели. Вы смотрите на мир вблизи и видите локальную боль, страдание, несправедливость. Я смотрю на него с высоты и вижу общую, неизлечимую болезнь. То, что вы называете убийством, я называю необходимой операцией.

С каждым его ходом и каждым словом я чувствовал, как его ледяная логика сжимает кольцо не только на доске, но и вокруг моего мировоззрения. Он не просто играл в шахматы, он препарировал мою душу, заставляя защищать самые

основы моих убеждений.

– Хирург, о котором вы говорите, действует с согласия пациента, профессор, или, по крайней мере, в его интересах, – возразил я, передвигая фигуру. – *Мой ход: Qd2. Я соединил ладьи и приготовился к рокировке, продолжая наращивать давление на его короля.* – Вы же собираетесь оперировать без анестезии и без спроса. Ваша метафора хромает. Вы не хирург. Вы — вирус, который считает, что излечит организм от всех болезней, убив его.

Его ход: аб. Незаметный ход пешкой на краю доски. Но я сразу увидел его замысел. Он готовил наступление на ферзем фланге, создавая контругрозу, которая заставит меня отвлечься от атаки. Он не просто защищался, он перехватывал инициативу.

– Согласие? – на его губах появилась слабая, почти снисходительная улыбка. – Вы всерьез полагаете, что организм, состоящий из миллиардов конфликтующих клеток, способен дать осознанное согласие? Он способен лишь на рефлекс. На страх. На слепую волю к жизни, даже если эта жизнь — агония. Вы предлагаете спросить у раковой опухоли, хочет ли она быть удаленной? Она ответит «нет». Потому что единственное, что она умеет, — это расти.

Мой ход: О-О-О. Длинная рокировка. Смелый, рискованный шаг. Мой король теперь был уязвим, но моя ладья встала на атакующую вертикаль, готовая обрушиться на его позицию. Я ставил все на свою атаку. Пан или пропал.

– Вы видите рак, а я вижу шанс на ремиссию, – парировал я, чувствуя, как напряжение в комнате стало почти физически ощутимым. – Вы видите лишь рост опухоли, а я вижу иммунную систему, которая еще способна бороться. Да, она ослаблена. Да, она дает сбои. Но она есть. Люди способны меняться, профессор. Общество способно эволюционировать. Вы же отказываете им в этом праве, вынося свой приговор на основе среза одного конкретного момента.

Его ход: b5. Вот оно. Началось. Его пешки на ферзевом фланге двинулись вперед, как лавина. Он вскрывал линии против моего короля, и я понимал, что у меня очень мало времени. Он точно рассчитал момент.

– Эволюция, Себастьян, – произнес он, и его голос был ровным и спокойным, словно он комментировал чужую партию, – это процесс, занимающий тысячелетия. А у нас нет тысячелетий. Часы почти пробили двенадцать. Вы говорите о надежде на медленное, постепенное выздоровление, в то время как я констатирую факт: пациент уже на терминальной стадии. Ваша вера в эволюцию — это не более чем отчаянная попытка отрицать реальность. Вы не боретесь за жизнь. Вы торгуетесь со смертью. И вы проигрываете.

Его пешечная лавина на ферзевом фланге была неотвратима. Каждый ход, который я делал в своей атаке, он использовал как темп для своей контригры. Он не просто отражал мои угрозы — он вплетал их в свою собственную смертоносную сеть. Я чувствовал, как позиция ускользает у меня из

рук.

– Может, и проигрываю. Но разница между нами в том, что я, в отличие от вас, не считаю себя вправе переворачивать доску, если партия складывается не в мою пользу, – я попытался сохранить самообладание, хотя холодный пот уже проступал на лбу. *Мой ход: h4. Я бросил в атаку крайнюю пешку, отчаянно пытаюсь создать хоть какую-то угрозу его королю. Это был ход надежды, а не расчета.*

Его ход: b4. Он проигнорировал мою попытку. Его план был проще и эффективнее. Он продолжал вскрывать линии к моему королю, и я видел, что защита рушится.

– Какая благородная, но непрактичная позиция, – его голос был ровным, без тени триумфа. Он просто констатировал факт. – Вы говорите о правилах игры. Но что, если сама игра порочна? Что, если единственно верный ход — это отказаться играть по навязанным правилам, которые гарантируют проигрыш? Вы видите мою волю как акт разрушения. Я же вижу ее как единственный акт истинного созидания — создание нового поля, новых фигур, новых правил. Для этого старую доску необходимо сжечь.

Мой ход: Kb1. Жалкий ход. Я выводил короля с открытой линии, признавая, что моя атака захлебнулась. Теперь речь шла только о выживании.

– И кто же будет писать эти новые правила, профессор? Вы? Что гарантирует, что ваша новая игра будет лучше ста-

рой? Ваша уверенность в собственной непогрешимости? История знает много тех, кто сжигал доски, чтобы построить свой дивный новый мир. Обычно это заканчивалось гильотинами и лагерями.

Его ход: На5. Его конь прыгнул на край доски, готовясь нанести решающий удар. Фигура за фигурой, он подбирался к моему королю, и я не видел спасения. Он загнал меня. И в словах, и на доске.

– Гарантий нет. Есть только необходимость, – он поставил коня с тихим стуком, который прозвучал как удар молотка судьи. – Предыдущие попытки провалились, потому что их архитекторы были слишком людьми. Они не смогли до конца отрешиться от старого мира, от его морали, от его сентиментальности. Они пытались построить рай из прогнившего материала. Я же не собираюсь ничего строить. Я лишь открою дверь. То, что придет через нее, будет истинным, чистым, лишенным человеческих недостатков. Это не будет ни раем, ни адом. Это будет просто... реальностью. А ваша реальность, Себастьян, – он обвел взглядом доску, – вот-вот закончится.

Его слова были последним гвоздем в крышку гроба моей позиции. Реальность. Он говорил о ней так, словно держал в руках патент. А моя реальность на доске из шестидесяти четырех клеток действительно рассыпалась в прах. Его фигуры, как безжалостные логические доводы, окружили моего короля, и я не видел ни одного хода, который бы не вел

к катастрофе.

– И что же это за чистая реальность, которую вы хотите выпустить? – спросил я, отчаянно ища спасения там, где его не было. – Вы открываете дверь, не зная, что за ней. Что, если это не высшая математика, а просто голодный хищник? Вы уничтожите наш мир, чтобы уступить место чему-то, что уничтожит вас следом. В этом нет логики, только суицидальный размах. *Мой ход: g5. Последний, бессмысленный выпад на другом конце доски. Крик утопающего, пытающегося дотянуться до соломинки.*

Его ход: Nxb3+. Он пожертвовал коня. Блестящий, сокрушительный удар, который я видел, но уже не мог предотвратить. Он вскрывал мою оборону, как консервную банку.

– Вы все еще мыслите категориями «хищник-жертва», – спокойно заметил он, убирая с доски мою пешку. – Это так по-человечески. Вы не можете представить себе систему, не основанную на потреблении и страхе. То, что придет, не будет охотиться. Оно просто... будет. А то, что несовместимо с его природой, перестанет существовать. Это не акт агрессии. Это как смена дня и ночи. Ночь не охотится на день, она просто приходит ему на смену, потому что таков закон системы.

Мой ход: aхb3. У меня не было выбора. Я должен был принять жертву. Мой король теперь стоял практически голый под перекрестным огнем его фигур. Я проиграл. Это было

так же очевидно, как то, что после ночи наступит рассвет. Я просто оттягивал неизбежное.

– Значит, вы просто космический садовник, выпалывающий сорняки? Какое скромное призвание, – в моем голосе не осталось даже сарказма, только усталость.

Его ход: Qa5. Его ферзь скользнул по диагонали, занимая позицию для финального удара. Мат был неизбежен. Он мог поставить его несколькими способами, и я был уверен, что он выберет самый изящный.

– Я предпочитаю термин «акушер», – сказал он. – Я помогаю старому, больному миру родить новый. Роды — процесс болезненный и кровавый. Но результат оправдывает страдания.

Я посмотрел на своего обреченного короля, а затем на его безмятежное, аскетичное лицо. Он не испытывал радости победы. Он просто завершил вычисление, которое привело к единственно возможному результату.

Мой ход: Rhg1. Я сдвинул ладью. Это было уже неважно. Это был просто жест, подтверждающий, что я еще дышу.

Его ход: Qa2#.

Шах и мат.

Тишина в кабинете стала абсолютной. Его ферзь, поддерживаемый слонем-драконом, стоял рядом с моим королем, отнимая у него последний глоток воздуха. Некоторое время я просто смотрел на эту картину полного разгрома. Затем я протянул руку и указательным пальцем аккуратно опроки-

нул своего белого короля на доску.

– Агрессивная, но плохо подготовленная атака, – сказал Элдридж, глядя не на меня, а на поверженную фигуру. – Вы бросили все силы на штурм, но не позаботились о надежности собственного тыла. Классическая ошибка, проистекающая из излишней веры в свою правоту и недооценки системных последствий. Вы проиграли задолго до того, как был сделан последний ход.

Я смотрел на своего поверженного короля, лежащего среди руин моих амбиций. Слова Элдриджа были точны, как скальпель. Он не злорадствовал, он учил. Это было хуже.

– Вы были одержимы идеей атаки на фланге, – он указал тонким пальцем на мою пешку на h4, – и полностью проигнорировали мою подготовку на ферзевом. Ваша длинная рокировка была не смелостью, а самоубийством. Вы сами подставили своего короля под удар. Вот здесь, – он вернул своего коня на поле b3, прежде чем я взял его, – вы должны были увидеть неизбежность жертвы и укрепить позицию, а не продолжать безнадежное наступление.

Он разобрал мою партию на составные части, наглядно демонстрируя каждый неверный шаг, каждое ошибочное решение. Он был прав во всем. Я проиграл, потому что был слишком прямолинеен, слишком предсказуем в своей ярости.

– Что ж, спасибо за лекцию, профессор, – я выпрямился, отодвигая стул. – Учту на будущее.

– Будет ли будущее? – он начал собирать фигуры, аккуратно расставляя их по местам в коробке.

– Будет, – твердо сказал я. – И в следующий раз я выиграю. И я сейчас не про шахматы.

Элдридж остановился, держа в руке черного ферзя.

– Я не сомневаюсь в вашей решимости, Себастьян. Мы оба боремся за то, что нам дорого. В этом мы с вами похожи.

Его слова вызвали в моей памяти калейдоскоп образов. Усмешка Маркуса, когда он пытается скрыть клыки. Сосредоточенное лицо Оливии над чертежами. Беззаботный смех Мии. Они были моим тылом. Моей причиной бросаться в атаку.

– Я борюсь за своих друзей, – сказал я.

Элдридж усмехнулся, и эта усмешка была полна всезнания.

– Нет. Это лишь часть правды. Причина всегда глубже. Это всегда она. Как ее зовут?

Я напрягся. Мои кулаки сжались сами собой.

– Не волнуйтесь, – сказал он, заметив мою реакцию. – Даже у зла есть стандарты. Я не устраиваю охоту на любимых женщин своих врагов. Это низко и неэффективно. Мне просто любопытно.

Его заверения звучали так же убедительно, как и его аргументы об апокалипсисе. И все же я ему поверил. В этом и заключался его дьявольский дар. Я усмехнулся, уже не ему, а иронии ситуации.

– Маргарет, – произнес я, и ее образ возник перед моими глазами так отчетливо, будто она стояла рядом. Ее теплая улыбка, каштановые волосы с золотыми прядями, выбивающимися из идеальной укладки. Ее безупречное чувство стиля — шикарные платья, подчеркивающие фигуру, и туфли на каблуках, цокот которых был для меня самой прекрасной музыкой.

– Прекрасное имя, – кивнул профессор. – Я тоже когда-то любил.

– Я знаю, – тихо сказал я. – Ваша жена. Алиса. Погибла в автокатастрофе пятнадцать лет назад. Пьяный водитель, которого оправдали из-за связей отца.

Элдридж замер, его лицо на мгновение утратило свою непроницаемую маску, и я увидел под ней бездну боли, настолько древней и глубокой, что она стала частью его самого.

– Значит, вы понимаете, – произнес он глухо. – Вы понимаете, ради чего все это. Ради мира, где пьяный ублюдок не уходит от правосудия, потому что его отец играет в гольф с нужными людьми. Ради мира, где система не дает сбой.

– Я понимаю вашу боль, – ответил я, поднимаясь. – Но не ваш метод.

Я повернулся и пошел к двери. Партия была окончена. И этот раунд я проиграл вчистую. Но война только начиналась. И теперь я знал, за что именно я сражаюсь. Не за абстрактное правосудие и не за спасение человечества. А за мир, в котором Маргарет сможет и дальше улыбаться и радоваться

жизни.

Нужно ехать в Конкорд. К Маргарет. К моей Маргарет.

Глава 4: Безмятежность.

Дорога из Эшвуда в Конкорд казалась бесконечной. Рев двигателя моего Aston Martin был единственным звуком, заглушавшим эхо последнего хода Элдриджа в моей голове. Qa2#. Шах и мат. Он не просто выиграл, он прочитал меня, как открытую книгу, а затем сжег ее на моих глазах. Но он совершил одну ошибку. Он заставил меня понять, что я сражаюсь не за абстрактную идею, а за конкретного человека. И это меняло все.

Я нажал кнопку на руле, и салон наполнился знакомыми голосами. Групповой звонок — величайшее изобретение человечества, позволяющее одновременно советоваться с любящим отцом-миллиардером и двумя древними вампирами.

– Ну, докладывай, сынок. Судя по тону твоего звонка, небеса еще не рухнули, но пара-тройка черепиц с крыши все же слетела, – раздался спокойный и уверенный голос отца.

– Ты проиграл, не так ли, darling boy? – это был уже Монти, с его неизменным бархатным сарказмом.

– Проиграл не просто так, а с драматическим треском! С разбором полетов и философским унижением! Я требую подробностей! – ворвался в разговор театральный баритон Валериана.

Я усмехнулся. С ними даже конец света казался не таким

уж и концом.

– Все, что вы сказали, и даже больше, – начал я, объезжая очередной грузовик. – Он разнес меня в пух и прах. Назвал мою веру в правосудие сентиментальной, а себя — акушером нового мира. Он знает о тебе, Монти. И он знает обо мне. О Маргарет.

На линии на мгновение повисла тишина.

– Он назвал имя? – голос Монти стал холодным, утратив всю свою гедонистическую расслабленность.

– Да. Но сказал, что у зла есть стандарты. Не будет ее трогать.

– Как мило с его стороны! Просто садист с кодексом чести! Какая прелесть! – фыркнул Валериан.

– Он показал тебе свою главную слабость, Себастьян, – произнес отец. – Его боль по жене. Человек, ведомый такой травмой, может быть гением, но он предсказуем в своей одержимости. Он хочет не просто уничтожить мир, он хочет наказать тот самый мир, который, как ему кажется, отнял у него все. А Эшвуд, с его мистической подоплекой, — идеальная сцена для такого спектакля.

– Кстати, о мире, Аберфорд, мой старый друг, как поживает твой? Все еще крутится? – с внезапной теплотой в голосе спросил Монти.

– Крутится, Монти. Нефть качается, поезда ездят, ракеты строятся. Пытаюсь удержать его от падения в пропасть, пока мой сын играет в шахматы с человеком, который хочет эту

пропасть углубить. Все как обычно, – невозмутимо ответил отец.

– Вы пытались его... проведать, когда он вышел? – спросил я, зная ответ.

– О, мы пытались! – с воодушевлением отозвался Валериан. – Но наш профессор — мальчик не промах! Вокруг него не просто щит. Это... как бы тебе объяснить, это гобелен из концептуального отрицания. Он сплетен из неверия сотен студентов и преподавателей в сверхъестественное. Чтобы приблизиться к нему, вампиру вроде нас нужно сначала разувериться в собственном существовании. Мерзкая, но гениальная штука. На ее взлом уйдут дни, а не часы.

– Значит, мы играем вслепую, – констатировал я.

– Вообще нет, *darling boy*, – возразил Монти. – Ты поезжай к своей ненаглядной. Твоя задача — быть человеком, помнить, ради чего мы это делаем. А мы с Валерианом немного... потрясем наши старые контакты. Поверь, в этом мире есть существа, которым не нравится идея тотальной перезагрузки реальности. Кто-то что-то да слышал. Мы выясним, какой именно фокус он собирается провернуть в Эшвуде.

– Да-да, предоставь скучную работу по сбору слухов нам, бессмертным! – подхватил Валериан. – А ты иди и будь юным, влюбленным и героическим! Это тебе идет гораздо больше!

На душе стало легче. Я был не один. Мой тыл был прикрыт самой странной, но и самой надежной семьей в мире.

– Спасибо вам. Всем, – искренне сказал я. – Я на связи.

Я завершил звонок. Впереди показались огни Конкорда и вывеска отеля, в котором остановилась Маргарет. Я свернул на парковку, заглушил мотор и несколько секунд просто сидел в тишине. Игра с Элдриджем закончилась. Начиналась другая. И на этот раз я знал правила.

Я вышел из машины и решительным шагом направился ко входу в отель.

Обаяние всегда было моим самым надежным отмычкой. Пара улыбок, доверительный полусшепот о подготовке сюрприза для «дорогой знакомой», и вот я уже стою перед нужной дверью с номером люкса в руке. Я постучал, и сердце на мгновение замерло в ожидании.

Дверь открылась. И вот она. Маргарет.

Она была одета в элегантное платье-футляр цвета оливы с безупречно белыми воротничком и манжетами, которое идеально сидело на ее фигуре. Ее каштановые волосы с золотистыми прядями были уложены мягкими волнами, а в теплых, умных глазах тут же вспыхнула радостная искра, когда она увидела меня. Ее улыбка могла бы растопить ледники, которые Элдридж так хотел вернуть на землю. В тот момент, глядя на нее, я почувствовал такой мощный прилив тепла, что холодная логика профессора показалась далеким и бессмысленным бредом.

– Себастьян! Какими судьбами? – ее голос был бархатным, обволакивающим. – Мне так приятно, что ты заехал.

Я вошел в номер, и она закрыла за мной дверь.

– Я был в Бостоне, – сказал я, устраиваясь на диване, пока она наливала нам воды. – Ездил к одному профессору. Джулиан Элдридж.

Ее движения на мгновение замерли. Она знала это имя. Будучи матерью Хранителя Тайн, она знала гораздо больше, чем положено знать обычному человеку.

– Тот самый Элдридж? – она поставила передо мной стакан, ее взгляд стал серьезным и полным сочувствия.

– Тот самый, – кивнул я. – Мы сыграли в шахматы. Он выиграл. И между делом изложил свой план по перезагрузке реальности, где он — акушер, а человечество — безнадежно больной пациент, которому показана эвтаназия.

Она села рядом, ее колено почти касалось моего.

– Но ты ведь здесь, – мягко сказала она. – Значит, ты не сломлен. И ты справишься, Себастьян. Я знаю это. И я буду рядом.

Ее слова были тем щитом, которого мне так не хватало в партии с Элдриджем. Я накрыл ее руку своей.

– Спасибо. И... пока я ехал сюда от него, я принял решение. Насчет нас.

Маргарет посмотрела на меня, ее дыхание едва заметно сбилось.

– Какое?

– Я хочу быть с тобой, – сказал я просто, без всяких уловок и обаятельных ужимок. Просто правда.

Она взяла мою руку в обе свои, и меня снова накрыло волной этого невероятного тепла. Ее пальцы были такими нежными.

– Я тоже хочу быть с тобой, Себастьян, – ответила она, и в ее глазах стояла такая искренность, что у меня перехватило дух. Она немного помолчала, а затем задала неизбежный вопрос: – Как ты собираешься сказать Оливии?

Я вздохнул. Самая сложная часть уравнения.

– Сначала я просто скажу ей, что не вижу ее в качестве возлюбленной, – начал я излагать свой, как я уже понимал, слишком оптимистичный план. – Что она для меня — верная подруга и лучший напарник. Это, конечно, забавно, учитывая, что у меня никогда в жизни не было подруг. А потом, чуть позже, когда она свыкнется с этой мыслью, скажу о нас. Возможно, сначала она будет злиться, но я надеюсь, что потом она поймет... и простит.

– Она же не сможет злиться вечно, – добавил я с уверенностью, которая, как я надеялся, выглядела убедительно.

Маргарет посмотрела на меня с нежной, но всезнающей усмешкой.

– Милый мой Себастьян. Ты очень плохо знаешь Оливию.

– Может быть, – я пожал плечами, наклоняясь к ней ближе. – Но я знаю себя. А я умею быть очень убедительным, когда дело касается того, чего я действительно хочу.

Она тихо рассмеялась.

– С этим я спорить не стану.

- Сколько ты еще здесь будешь? – спросил я, меняя тему.

– Еще три дня. Контракт заканчивается в пятницу.

– Этого достаточно, – сказал я с нажимом.

Она хитро прищурилась.

– Достаточно для чего, Себастьян?

Я не ответил, лишь протянул руку и убрал прядь волос, упавшую ей на щеку. Ее кожа была такой гладкой.

– Монти как-то спросил, с кем я вижу себя через десять лет, – тихо произнес я. – Так вот, с тобой — вижу. Точно вижу.

Маргарет кокетливо улыбнулась.

– Ты в курсе, что через десять лет мне будет пятьдесят шесть?

– Это намек на то, что ты будешь еще красивее, чем сейчас? – не моргнув глазом, парировал я.

Она рассмеялась уже в голос, запрокинув голову.

– Себастьян, ты такой хитрец!

– Зато я твой хитрец, – прошептал я.

– Да, – выдохнула она, ее улыбка стала нежной и манящей.

– Мой.

И слова стали не нужны. Я наклонился и поцеловал ее. Этот поцелуй не был похож ни на один другой. В нем была и горечь моего поражения, и сладость ее поддержки, и решимость бороться до конца. Это был поцелуй, который отменял все правила и все стратегии, оставляя лишь чистое, незамутненное чувство. Ее руки обвились вокруг моей шеи,

притягивая ближе, и я понял, что Югославская атака и система Дракона — ничто по сравнению с той неудержимой силой, что влекла нас друг к другу. И когда наши губы снова встретились, мы уже двигались в сторону спальни, оставляя на полу одежду, сомнения и весь остальной мир за дверью этого номера.

Эти три дня в Конкорде были украдены из какой-то другой, лучшей реальности. Мы жили в пузыре абсолютного совершенства, где не существовало ни сумасшедших профессоров, ни надвигающихся апокалипсисов. Время текло по-другому, подчиняясь только нашим желаниям. Мы перемещали ленивые, пропитанные страстью утра в постели с долгими прогулками по историческим улочкам. Я сопровождал ее в музей, с искренним восторгом слушая, как она говорит о технике сфумато у да Винчи или о скрытом символизме в полотнах Боттичелли. Мы ужинали в тихих ресторанах при свечах, ведя бесконечные разговоры обо всем на свете — от древних гримуаров Хранителей до современных тенденций в искусстве. Рядом с ней мир казался не прогнившим материалом, как говорил Элдридж, а произведением искусства, которое просто нуждается в хорошем реставраторе.

Но всему хорошему приходит конец. Утром четвертого дня я стоял у своего Aston Martin, а она — рядом, провожая меня. Холодный воздух Массачусетса кусал щеки, но рядом с ней было тепло.

– Помни, Себастьян, – сказала она, поправляя воротник

моего пальто. – Эддридж играет на поле логики и отчаяния. Не позволяй ему затянуть тебя туда. Его сила в том, чтобы заставить тебя забыть, за что ты борешься. Не забывай.

– Обещаю быть осторожным, – ответил я, беря ее руки в свои. – К тому же, у меня теперь самая красивая защитница во всех мирах.

Маргарет улыбнулась своей теплой, мудрой улыбкой.

– Защитница — да, но копье и щит все-таки в твоих руках, милый. Так что не подведи нас обеих.

Я заглянул ей в глаза, в эту бездонную глубину понимания и нежности, и слова сорвались с моих губ прежде, чем я успел их обдумать. Они были простыми и пугающе честными.

– Я люблю тебя.

Я на мгновение замолчал, осознав вес сказанного.

– Я еще никому этого не говорил.

Ее пальцы крепче сжали мои, а в глазах блеснула влага.

– Я тоже люблю тебя, Себастьян, – тихо ответила она. – За то, что за всем твоим обаянием и хитростью скрывается нестигаемый стержень света. За твою ярость, когда ты видишь несправедливость. За то, что ты еще не разучился верить, хотя видел больше тьмы, чем многие за целую жизнь.

– Ну вот, – усмехнулся я, чувствуя, как внутри разливается нечто огромное и теплое. – Теперь мне придется соответствовать такому высокому мнению.

Она притянула меня к себе и поцеловала — долго, глубоко.

ко, на прощание. Этот поцелуй был обещанием. Обещанием вернуться.

– Просто вернись ко мне, – прошептала она мне в губы.

Дорога обратно в Эшвуд пролетела как один миг. Воспоминания о ее улыбке, ее голосе, ее прикосновениях стали моей новой броней. Пузырь лопнул, но вместо пустоты внутри осталась несокрушимая уверенность.

Я припарковался у своего общежития, Айви-холла, и, не заходя в комнату, достал телефон. Нажав на кнопку группового вызова, я дождался гудков.

– Оливия. Маркус. Мия, – произнес я в трубку, когда они ответили. Мой голос звучал твердо и решительно. – Общий сбор. У меня в комнате. Немедленно. Нам нужно составить план. Игра окончена, пора начинать войну.

Моя комната в Айви-холле показалась мне тюремной камерой после просторного люкса в Конкорде. Воздух здесь был пропитан запахом старых книг и юношеских амбиций, а не ароматом ее духов. Я стряхнул с себя это наваждение. Война не ждет.

Первой, как всегда, пришла Оливия. Она не постучала, а просто вошла, словно к себе домой, ее походка была полна решительной энергии. За ней бесшумно, как тень, скользнул Маркус — его спокойствие было скалой, о которую разбивались любые тревоги. Последней впорхнула Мия, оглядывая мою комнату с деланным критицизмом.

– Приветтики. Лоу, ты бы хоть плакат с какой-нибудь рок-

группой повесил, а то у тебя тут атмосфера как в приемной у дантиста.

Оливия села в мое кресло, закинув ногу на ногу. Маркус прислонился к стене у окна, скрестив руки на груди. Мия плюхнулась на пол, скрестив ноги по-турецки.

– Итак, шеф, зачем такой срочный сбор? Очередной упырь решил открыть в Эшвуде точку с шаурмой из студентов? – начала Мия.

Я дождался, пока все взгляды сосредоточатся на мне.

– Я был в Бостоне. У профессора Элдриджа, – начал я. Я рассказал им все: как он разложил меня на шахматной доске, как с холодной логикой гения-маньяка объяснил, почему наш мир заслуживает уничтожения, и как он собирается стать его последним судьей. Я умолчал лишь об одной детали — о женщине, ради которой я теперь был готов свернуть горы. – Он знает о нас. Не конкретно о вас, но о Хранителях, о вампирах. Он готов ко всему. Хорошая новость в том, что я подключил тяжелую артиллерию. Монти и Валериан ищут информацию о его планах по своим каналам.

Имя Валериана заставило Маркуса напрячься. Его спокойствие дало трещину, и на мгновение в его глазах мелькнул холодный огонь.

– Валериан? – его голос был тихим, но в нем звенела сталь.

– Да, – твердо ответил я, встречая его взгляд. – Сейчас он за нас. Монти за него ручается.

– Ну конечно, – фыркнула Мия. – Доверять вампиру, ко-

торый тебя убил — отличный план. Надежный, как швейцарские часы. Сделанные в Китае.

– Если Монти так сказал, значит, так надо, – отрезала Оливия, ее голос не допускал возражений. – Это не значит, что нам должно это нравиться, но это значит, что мы принимаем это как данность. Так что дальше, Себастьян? Что мы делаем?

– Сейчас? – я прошелся по комнате. – Сейчас мы делаем то, что умеем лучше всего. Ждем информацию от наших бессмертных шпионов и продолжаем чистить город. Элдридж — это стратегическая цель. Но крысы и тараканы никуда не делись. До любой нечисти, до которой сможем дотянуться, мы должны дотянуться. Нельзя позволить хаосу расплодиться, пока мы готовимся к битве с его королем.

– То есть, возвращаемся к рутине? Бить морды вурдалакам и гонять гремлинов? Мне нравится! Давно руки чесались, – с энтузиазмом сказала Оливия.

– Хоть какое-то развлечение, – протянула Мия, разглядывая свой маникюр.

Мы обсудили еще пару текущих дел, наметили патрули на ближайшие ночи. Чувство общей цели и привычной опасности немного разрядило обстановку. Наконец, когда все вопросы были решены, я подвел черту.

– На сегодня все. Будьте на связи.

Маркус кивнул и вышел. Мия вскочила на ноги.

– Оливия, а тебя я попрошу остаться, – сказал я, стараясь,

чтобы голос звучал как можно более ровно.

Мия тут же обернулась, ее глаза заблестели от озорства. Она вытянулась по струнке и отчеканила с комичным немецким акцентом:

– Да, герр Мюллер, я всегда мечтал побыть у вас под колпаком!

Заметив наши недоумевающие взгляды, она отмахнулась.

– Ой, да ладно вам. «Семнадцать мгновений весны». Советские сериалы — мое хобби. Отлично помогает расслабиться. Все, я ушла, не буду мешать вашему тет-а-тету.

– Иди уже, клоунесса, – бросила ей вслед Оливия, но в ее голосе слышалась привычная дружеская насмешка.

Дверь за Мией закрылась. В комнате повисла тишина, внезапно ставшая тяжелой и плотной. Оливия повернулась ко мне, ее взгляд был прямым и серьезным, вся ее напускная бойкость исчезла.

– Что ты хотел обсудить, Себ?

Я посмотрел на нее — на ее уверенную позу, на решимость в глазах, на ту надежду, которую она так старательно прятала, но которую я видел слишком хорошо. И я понял, что шахматная партия с Эддриджем была лишь легкой разминкой. Начиналось самое сложное.

Я закрыл за ней дверь и прислонился к ней спиной, выдыхая. Я сражался с демонами, чьи имена сжигали языки, смотрел в глаза чудовищам из бездны, но все это казалось детской игрой по сравнению с разговором, который мне предстоял.

Оливия сидела в кресле, терпеливо ожидая. Вся ее боевая поза говорила о готовности к чему угодно, но я знал, что к этому она не готова.

– Знаешь, – начал я, прохаживаясь по комнате, чтобы собраться с мыслями. – Мы с тобой отличная команда. Наверное, лучшая за всю историю Хранителей. Ты, я, Маркус, Мия... мы работаем как единый механизм.

– Себастьян, прекрати этот заход в стиле капитана футбольной команды перед решающим матчем, – прервала она меня, не меняя позы. – Ты не позвал меня остаться, чтобы обсудить нашу тактику против адских гончих. В чем дело?

Я остановился напротив нее. Вот она, прямая и резкая Оливия. Что ж, она сама выбрала короткий путь.

– Я хотел поговорить о нас.

Надежда. Я увидел, как она вспыхнула в ее глазах. Яркая, неприкрытая, почти детская. И от этого мне стало невыносимо неловко. Я проклял себя за то, что позволил этому зайти так далеко.

– Послушай, Оливия, – я сел на край стола, стараясь смотреть ей прямо в глаза. – Настала пора расставить все точки над «i». Я очень ценю твое доверие... и все, что за ним стоит. Но я не могу ответить тебе тем же. Для меня ты верная соратница. Лучший друг, которого у меня никогда не было. Может быть, даже собутыльник, если тебе когда-нибудь захочется выговориться за бутылкой чего-нибудь крепкого. Но не возлюбленная. Я не могу дать тебе то, чего у меня к тебе

нет. И не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.